

Принцип ultima ratio в сфере уголовно-правового регулирования предпринимательства: пути реализации в нормах об ответственности за незаконное предпринимательство на современном этапе развития законодательства Российской Федерации

Запорожченко Иван Максимович

Студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия им В.М. Лебедева

Михайлов Дмитрий Олегович

Научный руководитель
к.ю.н.
доцент кафедры уголовного права
Российский государственный университет правосудия им В.М. Лебедева

Аннотация: в работе исследуется реализация принципа ultima ratio (принцип «крайней меры») в нормах об уголовной ответственности за незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ) на современном этапе. Анализируется сущность данного принципа как конституирующего для уголовно-правового регулирования экономической деятельности, требующего применения уголовной репрессии лишь при исчерпании иных мер. Выявляются ключевые проблемы действующей законодательной конструкции, противоречащие ultima ratio: формальные и низкие пороги криминализации, смешение регуляторных и уголовно-правовых целей. Обосновываются конкретные пути совершенствования законодательства и правоприменения, направленные на сужение сферы уголовной репрессии за счет повышения порогов, введения административной преюдиции и расширения восстановительных механизмов.

Ключевые слова: принцип «ultima ratio», незаконное предпринимательство, уголовная ответственность, уголовно-правовое регулирование, совершенствование законодательства.

Zaporozhchenko Ivan Maksimovich

Master's Student

V.M. Lebedev Russian State University of Justice

Academic Supervisor: Mikhailov Dmitry Olegovich

PhD in Law

Associate Professor, Department of Criminal Law

V.M. Lebedev Russian State University of Justice

The principle of ultima ratio in the sphere of criminal-legal regulation of entrepreneurship: ways of implementation in the norms on liability for illegal entrepreneurship at the current stage of development of the legislation of the Russian Federation

Abstract: this research examines the current implementation of the ultima ratio principle (the principle of «extreme measure») in criminal liability provisions for illegal entrepreneurship (Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation). It analyzes the essence of this principle as constitutive of the criminal-legal regulation of economic activity, requiring the use of criminal repression only after other measures have been exhausted. Key problems in the current legislative framework that contradict the ultima ratio are

identified: formal and low criminalization thresholds, and the confusion of regulatory and criminal-law objectives. Specific ways to improve legislation and law enforcement are substantiated, aimed at narrowing the scope of criminal repression by raising thresholds, introducing administrative prejudice, and expanding restorative mechanisms.

Keywords: the principle of «ultima ratio», illegal entrepreneurship, criminal liability, criminal law regulation, improvement of legislation.

Принцип *ultima ratio* («крайняя мера») является одной из фундаментальных аксиом современного демократического уголовного права. Он провозглашает, что уголовная репрессия должна применяться государством лишь тогда, когда все иные, менее репрессивные средства правового воздействия (административные, гражданско-правовые, налоговые) исчерпаны или заведомо неэффективны. В сфере экономической деятельности, особенно предпринимательской, этот принцип приобретает критическое значение, выступая барьером на пути чрезмерной криминализации рискованного, социально полезного поведения. На современном этапе развитие законодательства России в области ответственности за незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ) представляет собой динамичное, но противоречивое поле поиска оптимальной реализации принципа *ultima ratio*. Это поиск баланса между защитой публичных интересов (фискальных, регуляторных, конкурентных) и необходимостью не препятствовать здоровой хозяйственной инициативе.

В контексте предпринимательства принцип *ultima ratio* означает, что уголовное преследование за нарушение регуляторных норм (регистрации, лицензирования, отчетности) допустимо не за сам факт нарушения, а лишь в случае, когда такое нарушение либо обладает значительной степенью общественной опасности, сопоставимой с иными преступлениями (причинение реального крупного ущерба государству, гражданам, конкурентам; создание угрозы жизни и здоровью людей), либо было сознательно и умышленно направлено на извлечение преступных доходов или уклонение от социальных обязательств, а не явилось следствием заблуждения, сложности регуляторных процедур или малозначительного правонарушения [1].

Нормативным воплощением этого принципа в российском праве являются ч. 2 ст. 2 УК РФ (задачи Уголовного кодекса), а также правовые позиции Конституционного Суда РФ, неоднократно указывавшего на необходимость ограничительного и осмотрительного применения уголовного закона в экономической сфере.

Несмотря на ряд либерализаций последних лет, конструкция ст. 171 УК РФ сохраняет существенные противоречия с принципом *ultima ratio*.

— «Формальный» порог криминализации, подразумевающий, что основной квалифицирующий признак это причинение крупного ущерба (свыше 2,25 млн руб.) или извлечение дохода в крупном размере (свыше 9 млн руб.). Однако на практике «крупный ущерб» часто исчисляется как недополученные бюджетом налоги, то есть является производным от дохода. Это создает риск криминализации за неуплату налогов, что уже охватывается специальными нормами (ст.ст. 198, 199 УК РФ), и ведет к дублированию ответственности.

— Низкий порог дохода для привлечения к уголовной ответственности, т.е. сумма дохода в 9 млн руб., накопленная за весь период нелегальной деятельности (который может исчисляться годами), для многих видов малого бизнеса не является показателем исключительной общественной опасности, требующей именно уголовного ответа. Административная ответственность (штраф до 50 тыс. руб. по ст. 14.1 КоАП РФ) часто выглядит несоразмерно мягкой, а уголовная несоразмерно суровой.

— Смещение регуляторных и уголовно-правовых целей, т.е. уголовный закон используется как

«палочка» для обеспечения исполнения чисто административных предписаний (о регистрации), что подменяет собой задачу построения эффективной, простой и стимулирующей регуляторной среды [2, с.20].

Помимо этого, стоит отметить, что закон не всегда позволяет четко отграничить умышленное, корыстное ведение бизнеса «в тени» от вынужденной или неосторожной деятельности без регистрации (например, в условиях непонимания границ самозанятости, пробной деятельности).

Совершенствование норм об ответственности за незаконное предпринимательство должно идти по следующим ключевым направлениям, прямо вытекающим из логики *ultima ratio*.

Так, к примеру, примечание к ст. 171 УК РФ, позволяющее освободить лицо при первом нарушении, если возмещен ущерб и налоги, — шаг в правильном направлении. Однако его можно усилить:

— Распространить действие примечания не только на случаи возмещения ущерба, но и на случаи добровольной легализации бизнеса в установленный срок после первого предупреждения.

— Четко закрепить, что деятельность, начатая гражданином в статусе самозанятого или подпадающая под критерии микропредприятия, при отсутствии прямого умысла на уклонение, не должна криминализироваться, а переводиться в плоскость административного или налогового права [3, с. 312].

Более того, видится, что уголовная ответственность по ст. 171 УК РФ должна наступать только после применения мер административного воздействия (за исключением особо квалифицированных составов, связанных с организованной группой или оборотом запрещенных товаров). То есть, сначала предписание и штраф по КоАП, и лишь при повторном, умышленном и значительном нарушении следует уголовное преследование. Это сделает уголовную ответственность действительно «крайней мерой».

В целом, концепция административной преюдиции — требование, согласно которому уголовное преследование за правонарушение наступает лишь после исчерпания мер административного воздействия, давно признана в теории права ключевым механизмом реализации принципа *ultima ratio*. Однако применительно к ст. 171 УК РФ («Незаконное предпринимательство») ее введение носило бы не просто техническим усовершенствованием, а системной реформой уголовно-правовой политики в экономической сфере. Она способна преодолеть ключевой парадокс современного регулирования: формальное декларирование уголовного права как «крайней меры» при фактическом его использовании в качестве «первичного» инструмента давления за нарушения регуляторного характера.

Предлагаемая модель предполагает четкую трехшаговую последовательность для большинства случаев, подпадающих под признаки ч. 1 ст. 171 УК РФ (деяние без регистрации или лицензии, причинившее крупный ущерб или принесшее крупный доход) [4, с. 111].

Первичное выявление и административная реакция. При обнаружении факта ведения деятельности с нарушением регистрационных или лицензионных требований уполномоченный контролирующий орган (налоговая инспекция, Роспотребнадзор, орган лицензирующий) не передает материалы в следственные органы, а выносит предписание об устранении нарушения и налагает максимальный административный штраф по соответствующей статье КоАП РФ (например, ст. 14.1). Ключевым элементом на этом этапе является формализованное уведомление о недопустимости продолжения деятельности и правовых последствиях повторного нарушения.

Уголовная ответственность как следствие умышленного неповиновения. Уголовное дело

может быть возбуждено только в случае, если после вступления в силу постановления о привлечении к административной ответственности лицо, умышленно игнорируя предписание, продолжает ту же незаконную деятельность, вновь причиняя крупный ущерб или извлекая крупный доход. Таким образом, объектом уголовно-правовой охраны становится уже не нарушение «бумажных» процедур само по себе, а злостное, демонстративное неподчинение законному предписанию государства, сопряженное с извлечением преступных доходов. Это качественно повышает общественную опасность деяния, делая его достойным именно уголовной репрессии.

Исключения для квалифицированных составов. Предлагаемый механизм не должен применяться к деяниям, изначально обладающим повышенной общественной опасностью, охватываемым ч. 2 и ч. 3 ст. 171 УК РФ: совершенным организованной группой, сопряженным с извлечением дохода в особо крупном размере или с оборотом товаров, ограниченных в обороте (например, алкоголь, лекарства). Здесь уголовное преследование может и должно быть первичным, так как эти признаки изначально свидетельствуют о масштабной и социально опасной противоправной деятельности [5].

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что реализация принципа *ultima ratio* в нормах об ответственности за незаконное предпринимательство это не техническая правовая задача, а стратегический выбор модели экономического развития. Уголовное право должно охранять экономику от действительно опасных, злостных и масштабных нарушений, подрывающих ее основы, а не выполнять функции фискального и регистрационного контроля.

Современный этап развития российского законодательства демонстрирует осознание этой проблемы, о чем свидетельствуют недавние либеральные поправки. Однако для последовательного воплощения идеи «крайней меры» требуется дальнейшее движение по пути: сужения сферы уголовного права за счет повышения порогов и введения преюдиции, расширения восстановительных (компенсационных) процедур и четкого нормативного разграничения умышленной преступной деятельности от вынужденных или неосторожных регуляторных нарушений. Только так уголовный закон станет не угрозой для инициативных граждан, а гарантом честной конкуренции и защитником публичных интересов от реальных, а не мнимых экономических угроз.

Список использованной литературы:

1. Стоянович З. Концепция уголовно-правового минимализма в современных условиях // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-ugolovno-pravovogo-minimalizma-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 25.12.2025).

2. Коноплева Л.Л. Сравнительный анализ законодательных подходов к проблеме разграничения административных правонарушений и преступлений в зарубежных странах и в России // Вестник Уральского финансово-юридического института. — 2016. — № 2 (4). — С. 18 — 22.

3. Нудель С. Л., Печегин Д. А. Тенденции уголовной политики в области охраны экономической деятельности в условиях цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 309–335. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-56-309-335.

4. Урда М.Н. Эволюция нормы о незаконном предпринимательстве в новейшей истории/ М.Н. Урда//Серия история и право. — 2012. — № 2 — С.110-113.

5. Саруханян А. Р., Фоменко А. И. Уголовно-правовые гарантии реализации прав субъектов предпринимательской деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/5-3-ugolovno-pravovye-garantii-realizatsii-prav-subektov-predprinimatelskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 27.12.2025).